Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена номера 3 коп.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

КОНТОРА
АДРЕС:
Москва—Центр, Кузнецкий м. д. № 1.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На год . . . . . . 1 руб. 20 коп.
» 6 мес. . . . . . — » 60 »
» 3 мес. . . . . . — » 30 »
Менее чем на 3 мес. подписка не принимается.
При перемене адреса посылать 10-ти копеечную марку и адресную наклейку, по которой получается газета.

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

Орган Московского Комитета ВЛКСМ.

РЕДАКЦИЯ
АДРЕС:
Москва — 9, Б. Дмитровка, д. № 26.
Заметки должны быть аккуратно написаны чернилами на одной стороне листа. Указывать фамилию, адрес, название отряда и звена.

№ 4 (98) Еженедельная газета юных пионеров 21 января 1927 г.

Ленин, будучи вождем большевиков, был образцом товарищества и дисциплинированности. Эти лучшие человеческие черты Ильича должны развивать в себе юные пионеры.

Памяти лучшего из лучших

(Статья секр МКРЛКСМ).

22 и 23 января проводится 3-летняя годовщина со дня смерти учителя, друга, товарища, отца, вождя трудящихся всего мира, гениального из гениальных, лучшего из лучших, незабвенного, дорогого Владимира Ильича Ленина. Три года прошло с тех пор, как не стало того человека, который через ссылки, эмиграцию, буржуазные тюрьмы, вел рабочий класс нашей страны к победе над буржуазией. Не стало того, кто вел беспощадную борьбу со всеми врагами рабочего класса. Не стало того, кто организовал славную, большевистскую партию, испытанную защитницу трудящихся.

Рабочий класс всего мира оплакивал смерть своего вождя зная, что больше нет ему подобных. Умер человек, вся жизнь которого была ярким призывным факелом, зовущим к борьбе всех угнетенных. Умер человек, на истории жизни которого воспитываются и будут воспитываться миллионы подрастающего поколения Октября.

Велико горе пролетариев Советского Союза, но еще больше сознание того, что нужно довести дело Владимира Ильича до победного конца.

Как мы выполняем заветы Ленина

И теперь, в день 3-й годовщины смерти Ленина, наряду со скорбью о понесенной утрате, рабочий класс СССР подводит итоги того, что сделано в области выполнения заветов Ильича, каковы наши успехи, идем ли мы вперед, не правы ли те, которые кричат, что мы топчемся на месте?

Вывод один. Наша страна вступила на путь строительства социализма. Наша страна перешагнула в своем развитии рамки довоенного периода, наша страна, вступившая на путь индустриализации страны, имеет в этом отношении такие успехи, как построение Волховстроя, [строительство] Днепростроя, Каширской, Шатурской электрических [ст]анций; ряд новых заводов, оборуд[ов]анных по последнему слову тех[ник]и. Мы уже имеем заводы, при[спос]обленные к производству ма[шин,] тракторов, паровозов и пр., [кото]рые мы раньше принуждены [были] вывозить из-за границы.

Все больше растет культурный уровень населения нашей страны, улучшается материальное положение рабочего класса.

Вырос до 2-х миллионной организации комсомол, который является основным помощником партии в ее работе по строительству социализма.

Все наши успехи и достижения дают право с полной ответственностью заявить, что мы строим и построим социализм в нашей стране.

Но у нас еще много трудностей. Еще имеется безработица, жилищный кризис, беспризорница. Наша промышленность все-же еще отсталая; крестьянство мало кооперировано и ряд других трудных задач еще стоят впереди.

Но нет, конечно, сомнений в том, что рабочий класс нашей страны, совместно с крестьянством, под руководством Коммунистической партии сумеет преодолеть все трудности, стоящие перед ним на пути социалистического строительства.

Пионеры—достойные внучата Ильича.

В свете общих наших достижений не последнюю роль играет и пионерская организация. Пионеры стали в передовых рядах всей детворы по их воспитанию в новом коммунистическом духе. Пионеры своей работой доказали, что они также являются не последними винтиками в общем государственном строительстве. Работа пионеров в школе, общественно-полезная работа вокруг фабрики, завода; обработка пионерами небольших, земельных участков по культурно-агрономическому способу; развитие среди пионеров чувства дисциплинированности, коллективности, чистоты, опрятности и пр. создали и создают известный авторитет пионерскому движению, способствуют тому, что все организации советской общественности помогают пионер-движению в деле его развития.

Особое внимание товариществу и дисциплине.

Пионерская организация, в праве заявить, что присвоенное ей звание — детская коммунистическая организация имени Владимира Ильича Ленина,—она честно оправдывает. Но именно это же название обязывает организацию еще больше отнестись критически к своим недостаткам, проверить слабые стороны своей работы с тем, чтобы неуклонно их изживать, вовлекая, на основе самодеятельности, новые широкие слои детворы в свои ряды.

Главное внимание пионеры должны обратить на дальнейшее улучшение работы в школе, всемерное развитие коллективности, дисциплинированности и спаянности своих членов на полное выполнение всех пионерских обычаев, на лучшее выполнение заданий пионерам на зимний период, на сохранение своего здоровья, помня, что советскому государству нужно здоровое поколение, способное продолжать дело Ильича. Необходимо пионерам обратить серьезное внимание на изгнание из своей среды таких явлений, как перенесения отрицательных сторон быта взрослых и комсомола.

Каждый пионер должен помнить, что на призыв — «пионеры, будьте готовы к выполнению заветов Ильича», — нужно свой ответ, — «всегда готовы», — подкреплять практическим делом. При этом условии пионерская организация и дальше будет достойна называться сменой старших в борьбе за дело пролетариата.

СОТНИКОВ.

НА III КОНГРЕССЕ ЮНЫХ СПАРТАКОВ

Ждут..

— Ты знаешь, ведь приехали.

— Да ну! Откуда, сколько, где они?

— Ничего подобного, никто еще н приехал, все это только сказки!..

Такие разговоры слышались 26 декабря, накануне открытия конгресса среди делегатов-пионеров и руководителей в тесном, маленьком помещении, служащем приемной для приезжающих на конгресс в г. Хемнице.

Все ждали пионеров СССР.

На всех лицах был заметен один волнующий вопрос:

«Приедут ли?».

Среди ребят ходили самые фантастические слухи.

Одни говорили, что советские пионеры уже на пути в Хемниц, другие говорили, что они сидят на немецкой границе, третьи передавали, что они летят на конгресс на аэроплане.

А когда 27-го декабря в 9 час. утра конгресс был открыт и все узнали, что пионеры СССР еще не прибыли и вряд ли прибудут, то на всех лицах было некоторое уныние и злоба на трусливое буржуазное правительство.

Но это продолжалось не долго. Все делегаты с жаром принялись за свою работу и сурово сдержали свое негодование.

За работой.

Конгресс был открыт тов. Эрнстом, секретарем ЦК Союза Юных Спартаков, в большом зале Народного дома г. Хемница при пении «Интернационала».

От пионеров Хемница приветствовал конгресс наш знакомый Рихард Бартель—один из немецких делегатов.

После приветствий конгресс разделился на 2 половины.

Около 100 делегатов-пионеров ушли в другую комнату, где начали самостоятельную работу, а остальные (руководители, учителя, родители) остались для раслушивания очередных докладов.

Пионеры разбились на 5 групп, и каждая группа взялась за разработку 1—2 вопросов, стоявших на повестке дня пионерской конференции.

Так, берлинские пионеры вместе с некоторыми другими делегациями взялись за разработку законов юных пионеров, гамбургские разрабатывали вопрос о работе школьной ячейки, пионеры из Рурской области занялись разработкой вопроса о пропаганде и т. д.

Каждая из групп не только коллективно обсуждала свой вопрос, но и проводила практическую работу. Так, например, ребята, обсуждавшие вопрос о работе школьной ячейки, составили школьную газетку, школьные листовки, выработали специальные указания, как поступать пионерам, в случае преследований реакционных учителей и т. д.

После обсуждения всех вопросов в группах они были поставлены на общей конференции пионеров, где после докладов пионеров развернулись широкие прения по каждому вопросу.

Во время прений Рихард и Эрна (Вилли не смог приехать на конгресс) делились опытом пионеров СССР и очень толково рассказывали о том, как можно было бы улучшить работу Союза Юных Спартаков по примеру советских пионеров.. Работа протекала дружно и с воодушевлением.

Протест.

29-го декабря в огромном здании был устроен интернациональный вечер.

Рихард передал от пионеров СССР три знамени для пионеров Берлина, Хемница и Рура, а также для советских пионеров от имени всего конгресса знамя с простой, но теплой надписью:

«Мы приветствуем вас, русские братья».

На этом вечере была прочтена телеграмма от пионеров Москвы, которая говорила о возможности запрещения в'езда.

Двухтысячное собрание ответило резким протестом на этот поступок германского правительства.

На этом митинге были заслушаны приветствия от пионеров Чехо-Словакии, Австрии, Швейцарии, Англии и Польши. Затем член немецкой рабочей делегации в СССР рассказал о жизни рабочих и крестьян Советского Союза.

Конгресс закончился принятием 7-ми законов Юных Спартаков и писем ко всем детям мира и к пионерам СССР.

Телеграмма делегации пионеров СССР, прибывшая в последний день конгресса, была встречена пением «Молодой Гвардии».

Под звуки «Смело товарищи в ногу» III-й конгресс С.Ю.С. Германии закончил свои работы.

В. З.

Пионерская выставка на конгрессе юных спартаков.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

(Москва).

Вечер. Сверкают витрины магазинов. Льют яркий свет на тротуары, мостовую, на спешивших прохожих дуговые фонари. Дребезжат трамваи, мчатся авто, катят извозчики, бегут по тротуару черные тени, прохожих. Кружатся в воздухе белые пушинки, мелькают и медленно опускаются, покрывая землю белым ковром.

Я иду в школу. Сегодня 22 января. Сегодня у нас в школе вечер в память расстрела «9-го января». Будет пьеса, концертное отделение и неизбежный доклад. Хорошо итти вечером по Москве: кругом свет, шум, говор, звонки. Чувствуешь себя частью какого-то большого, целого. На душе спокойно и весело. Ну вот и школа. Вхожу, раздеваюсь, иду наверх. Скоро начнется вечер. Корридоры, классы, зал полны гудящей толпы школьников. Но что это такое? Что-то очень странно. Нет того оживления, веселья, смеха, радости, разговоров, которые я так привык слышать. Чувствуется какое-то волнение, какая-то напряженность. Ребята собираются кучками, о чем-то горячо толкуют, спорят, все, видно, встревожены. Подхожу, здороваюсь. Сразу осыпают массой вопросов:

— Ти ничего не знаешь?

— Верно, что говорят...?

— Я, ребята, ничего не знаю, В чем дело?

— Да... говорят, что т. Ленину худо.

Черной змейкой заползает в душу тоска и начинает мучительно сосать сердце.

В конце корридора показывается преподавательница. Ее моментально окружают:

— Надежда Евгеньевна, Иванов говорит, что т. Ленин умер. Правда это? Правда?

И десятки глаз сверлят лицо, ища ответа. Ответа нет:

— Я сама еще ничего не знаю. Дети, не волнуйтесь. Еще ничего не известно. Может быть это только временное ухудшение.

— А может быть... Лучше не думать.

— Ребята, ребята. Я шла по Театральной площади, — подбегает девочка,—там висит афиша...

— Ладно. Замолчи. Без тебя все знаем.

Пускают в зал. Тихо рассаживаются по скамейкам и чего-то ждут. Ждем не вечера, а чего-то другого, чего — не знаем сами.

На сцену выходит один из учеников 9-й группы:

— Ребята. Тяжелая утрата посетила нашу страну. Умер самый лучший большевик. Умер тот, кто отдал всю свою жизнь за дело рабочего класса. Умер В. И. Ленин. Ничего не будет. Идите все домой...

Тихо встали. Молчаливо расходимся по домам. Уже не так ярко горят витрины, тише бегут трамваи, чернее стали людские фигуры и лица.

***

На другой день сижу в школе за партой. Уроки, вернее одно название, а не уроки. Вместо математики сообща с преподавателем читаем газеты, биографию Ильича. О математике и думать забыли. Сейчас и не скажешь, сколько будет пятью-пять. Преподаватель русского языка читает нам стихи, посвященные усопшему.

На переменах ребята рассказывают друг другу о том, где кто был, сколько раз прошел в Дом Союзов, что видел, что слышал. Один собирается ночью итти первый раз, другой—третий. Сговариваются партиями. ИЗО пишет плакаты, старосты собирают деньги на венок. Общее собрание постановляет просить дать школе имя Ильича. За стеной поет хор:

Но жива РКП,
Рабочих стальная колонна...
И с ней неизбежно, в грядущей борьбе
Твои боевые знамена.

Сейчас не до географии.

***

Пятница, 25 января. Пришел в школу. Необычайное оживление. На дворе черно от ребят.

— В чем дело?

— Идем в колонный зал... к Ленину.

От радости так сердце и заколыхнуло. Бросился искать свою группу. Вот и они. Как были, с книжками и тетрадями, одной живой черной лентой тронулись в путь. Впереди над головами веет красное знамя, перевитое траурными лентами. Вся школа от седого преподавателя, до маленького белоголового ученика идет «туда» сказать Ильичу последнее прости. Идем быстрым шагом, без толкотни, без смеха и без шуток. Вот и Дом Союзов. Весь в черных лентах. От под'езда черными ручьями вытянулись ленты очередей. Краснеют пунцово-черные знамена, видны портреты Ильича. Со всех концов Москвы идут и идут. Идут фабрики, идут заводы, идут школы, учреждения, отряды, ячейки. Идут русские, евреи, китайцы, немцы, французы, армяне. Все трудящиеся пришли прощаться с вождем. Холодно. Горят костры. У ближнего костра стоит красноармеец, притоптывая ногами и похлопывая рука об руку. Какой-то шустрый мальчонка подкладывает в костер неизвестно откуда добытые доски.

В первую минуту ослеплен светом тысячи лампочек. Зелень, пальмы, венки, а дальше красный гроб, в гробу тот, кого не видел ни разу живым, но которого знаешь, которого видишь везде, которого любишь. Френч, на груди что-то краснеется. Кругом кто-то стоит, что-то делает. Ничего не вижу, кроме этого дорогого лица. Тихо, отзываясь какими-то невиданными струнами в груди, играет музыка. Вязкий, мучительный комок подкатывается к горлу. А глаза впились, и не могут оторваться, стараются запечатлеть этот миг навеки. Стою у выхода, как зачарованный, и не спускаю глаз. Красноармеец, который приказывает уходить, делается мне как бы личным врагом. Но надо уходить. С болью отрываю глаза и тихо, низко опустив голову, выхожу из зала, зала народной скорби.

— Не видал живого, увидал хоть мертвого,—мелькает мысль.

А на улице такие же толпы, хвосты очередей, все растут и растут. И все еще идут и идут. Несут знамена, несут портреты, несут свою скорбь в сердцах, несут свою любовь.

И потекли людские толпы.
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый,
И красный орден на груди.

Нет. Я еще сюда приду. Буду ходить десять раз. Запечатлею это все в своем сердце навеки.

Эти дни остались живы в моем сердце навсегда.

А. Медведский.

Любовь Ильича к детям всем известна. На этом снимке очень удачно схвачены эти черточки Ильича.

Школьный день был прерван

(Саратов, 6-я сов. школа II ст.).

Девятый час. Попив чаю, кое-как и собрав нужные книги, тороплюсь в школу. А в школе все попрежнему. Звонка еще нет и мы весело играем. Любимые наши разговоры о кино-картинах. Кто какую картину видел, тот и передает ее сейчас же по-своему, как сумеет, а мы внимательно слушаем. Времени девять часов. Звонок уже был. Пора начинать занятия. Но учителя все еще нет. В соседней группе то же самое.

Ученики недоумевают и ждут. Что-то там такое случилось? Но вот несмелые тихие шаги. Мы притихаем... Входит учитель и тихо как-то, необыкновенно мягким голосом велит нам итти в общий школьный зал. Мы замечаем, что у нашего старичка почему-то туманные влажные глаза. Не понимая в чем дело идем в зал.

***

В зале все группы. Вся ученическая живая масса, попрежнему веселая и задорная. Звенит колокольчик. Постепенно гул ребячьих голосов утихает. Слышим тихую сдержанную речь Александра Ивановича, нашего заведующего: товарищи, позвольте сообщить скорбную для всех нас весть, которую принес недавно телеграф. Вчера вечером в селении Горки умер Владимир Ильич Ленин. Умер тот, который открыл нам глаза своим учением, своим делом. Умер дорогой и близкий нам человек, все отдавший для того, чтобы вам, молодому поколению, не пришлось страдать, как страдали ваши отцы в глубокой нужде, нищете и голоде. Речь прерывиста, коротка. Нет сил говорить. Слезы сами навертываются на глаза старому и крепкому заведующему. От прежних наших веселых разговоров не осталось и следа. Нам не верится. Неужели умер человек, который еще так недавно руководил действиями наших отцов и матерей. Молча мы встали и всей массой запели похоронный марш. Пели все, старые и молодые, без исключения. Пел заведующий, пели учителя и учительницы. Всем было одинаково тяжело в этот памятный пасмурный день.

Ф. Осипов.

Из воспоминаний о Ленине *)

Кабинет Ильича в Смольном представлял из себя небольшую комнату, разделенную на-двое деревянной перегородкой. Здесь Ильич принимал посетителей, здесь вначале происходили заседания Совнаркома.

Очень часто Ильич выходил из своего кабинета, чтобы заглянуть в комнаты разных наркомов. Кабинет Троцкого находился в противоположном конце Смольного, и чтобы попасть туда, Ильичу приходилось пройти весь длинный коридор.

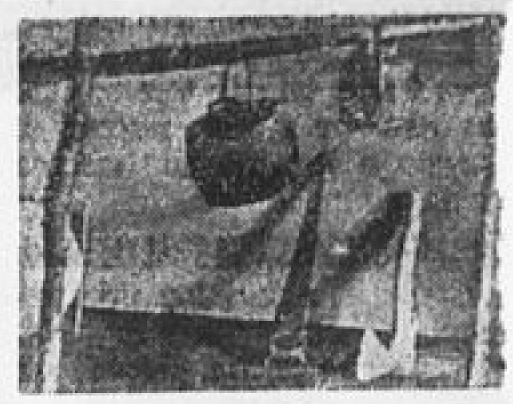
Во время прохождения этого коридора, часто его останавливали разные товарищи, имевшие к нему разные «дела». Ильич выслушивал их всегда с необычайным терпением.

Но в это же время по коридору толкалось также много разного народа, не знавшего даже Ильича. Последние, зачастую обыватели, попавшие в Смольный по своим личным делам, задавали ему разные вопросы в таком роде: «Скажите, здесь выдают разрешения на выезд?». Или: «Скажите, где принимают вещи для арестованных?». Во всех этих случаях Ильич старался давать самые точные ответы, между тем, когда с такими же распросами приставали к другим наркомам, те сердились.

Ильич очень заботливо относился ко всем работавшим в Смольном товарищам. Однажды, когда я и тов. Сенюта (погибший на западном фронте) работали в кабинете Сталина, находившегося по соседству с кабинетом Ильича, является к нам неожиданно Ильич и спрашивает: «А что, затопили у вас уже печку?». Я был весьма удивлен этим вопросом. Оказалось, что нашу печку нужно было затапливать с маленького коридорчика, где находился лифт, ведущий в квартиры Ильича и тов. Троцкого. Ключ от этого коридорчика Ильич прятал у себя в кармане. Когда приходилось затапливать печку, истопник должен был спрашивать у него ключ. В этот день Ильич собирался куда-то на митинг и предлагал, если печка еще не затоплена, оставить ключ нам.

Если Ильич, в такой период «бурь и натиска» мог помнить о таких мелочах, это характеризует очень ярко всем известную особенность его гениального ума: помнить о мелочах.

И, действительно. В продолжение полутора года, наблюдая Ильича на заседаниях Совнаркома, я всегда удивлялся этой особенности его ума. Принимается Совнаркомом какой-нибудь декрет. Во время его редакции Ильич всегда весьма зорко следит за тем, чтобы декрет был ясен и недвуомыслен даже для малограмотного читателя. Мало того когда декрет уже принят и окончательно проредактирован, Ильич всегда указывае[т] каким образом его распубли[ко]вать так, чтобы он быстро [до]шел до всех заинтерес[ован]ных.

Утварь из шалаша Ленина в Финляндии, где он скрывался в 1917 г от правительства Керенского.

Ставится на обсужден[ие ка]кой-нибудь проект. З[оркие] глаз Ильича всегда за[мечают] отсутствует ли предста[витель] какого-нибудь заинтере[сован]ного ведомства. Если к[то-ни]будь отсутствует, вопро[с обя]зательно откладываетс[я] Ильич распоряжается в[ызвать] по телефону заинтересов[анных] людей.

Эта особенность И[льича] иметь в виду все детали ма замечательна. Ильич самым отличным испо[лните]лем собственных идей и [за]мыслов. Ильич умел работа[ть] на все находилось у него в[ре]мя. Никогда не бывало, что[бы] посетители долго дожидали[сь] Ильича. Он отлично понима[л], что дожидаться приема—по[] терянное время. Он или сраз[у] назначал просящим прием[] точное время и не заставлял их долго ждать, или же сразу отказывал, указывая, куда следует обратиться по данному делу.

*) Из воспоминаний С. Истковского напечатанных в журнале «Молодая Гвардия» № 2—3, 1924 г.

Ильич среди крестьян села Кашино.

Ильич за работой.

Это в сумерки было

Это в зимние сумерки было; темнело,
В окнах звездочкой желтою вспыхивал свет,
В этот час к нам печальная весть прилетела —
Ленин умер, его уже нет.
Эта весть, словно черная птица примчалась,
Словно черная птица примчалась крича,
И тревогой и болью сердце вдруг сжалось,
Но хотелось верить, что нет Ильича.
У витрины толпа, за стеклом в черной раме
Рядом с свежей газетою виден портрет,
Но хотелося верить, что нет его с нами,
Но хотелося верить, что Ленина нет.
Это вечером было холодным и мглистым,
В окнах звездочкой желтою вспыхивал свет,
И сверкал, отражаясь на снеге искристом —
Но хотелося верить, что Ленина нет...

Деткор У.

Ревели гудки

(Г. Армавир).

Была ясная и морозная ночь. Бледные лучи луны падали прямо в окно нашей маленькой комнаты, обливая своим матовым светом лица спящих. Некоторые уже спали, но я с группой девочек не могла заснуть после читки одной интересной книги. Вдруг, неожиданно с испуганным лицом вбегает к нам Ира, дочь руководительницы швейной мастерской.

— Девочки, девочки, — произнесла она дрожащим голосом, — умер Ленин!

Мы, не поверив ей, продолжали лежать.

— Ну, что же вы лежите, неужели не верите мне, и она быстро убежала.

Будто тяжелый камень обрушился на нас. Раздался плач. У меня в горле что-то сдавило и мне трудно было дышать. И так мы не спали почти до самого утра, рассказывая друг другу все, что знали об Ильиче.

Утром, позавтракав, все принялись за работу. Кто писал плакаты, кто наклеивал на красной материи буквы, кто плел венок, а некоторые делали траурное знамя. Весь этот день мы провели за работой. Не было слышно ни веселого смеха, ни забавных игр, ни звучных песен, как это бывало у нас каждый день. Каждый сосредоточенно о чем-то думал. На второй день закончили работу. Убрали здание трауром. В двенадцать часов, взявши венок, мы с траурным знаменем пошли к братской могиле. Там уже стоял мраморный памятник Ленина и возле него лежало несколько венков. Положили мы и свой венок и пошли домой. Ровно в полчетвертого наш отряд уже был на Красной площади. Людей там было очень много. До трибуны нельзя было добраться, а поэтому мы стали в сторонке. День был морозный. Часто можно было видеть в толпе, как некоторые подпрыгивали, ударяли нога об ногу, этим самым согревая их.

Кончили ораторы. Часы показывали ровно четыре. Загудели гудки. Раздался выстрел. Духовой оркестр заиграл похоронный марш. Это был тяжелый час, когда с Лениным прощался весь мир. В эту минуту в Москве Ленина опускали в глубокое подземелье. Нам хотелось плакать. Выстрелы прекратились. Духовой оркестр играл все тише и тише, а гудки все гудели и плакали, напоминая о смерти Ленина. Надолго у меня в памяти остались эти заунывные звуки и теперь, всякий раз, как только я слышу протяжный вой гудка, мне вспоминается печальный день похор Ильича.

Е. Куксюкова.

В Совете Обороны *)

В 1919—20 г.г. мне довольно часто приходилось видеть Владимира Ильича на заседаниях Совета Обороны и я поделюсь некоторыми фактами и чертами, почему-либо произведшими на меня впечатление.

Как мало походили заседания Советского правительства на заседания совета министров «наидемократичнейшего», «наикультурнейшего» государства. Пиджаки и косоворотки, френчи, солдатские гимнастерки, высокие сапоги — в какой бы ужас привела эта картина затянутых в демократический сюртук буржуазных министров. А между тем, это был естественный стиль пролетарской революции, по горло занятой работой, живущей в кольце жесточайшей военной борьбы, в обстановке разоренной, обнищалой страны.

Интересен был регламент, введенный в Совете Обороны т. Лениным: 5 или 7 минут для доклада, 3 минуты желающему участвовать в прениях. Это было отражением пролетарской революции, скупой на слова, деловитой. В 3 минуты едва успеешь сформулировать свою точку зрения, а цветов красноречия, уж извините — не успеешь развести.

Требуя точности от других, т. Ленин сам мог служить примером точности. За 1—2 минуты до 6 ч. он выходил из своего рабочего кабинета в небольшую комнату, где заседал Совет Обороны и ровно в 6 час. открывал заседание. Опаздывать не полагалось — иначе можно было встретить укоризненный взгляд т. Ленина и его грозящий палец. Такая точность в смысле своевременности начала заседания без всяких опаздываний установилась еще в заседаниях Реввоенсовета СССР. А не мешало бы потверже ввести этот порядок в наш и советский и партийный обиход.

Помню один случай, когда даже т. Ленин опоздал. Пробило 6 час., а его не было, что ни мало удивило собравшихся на заседание. Появился он только в 7—8 минут седьмого, покрасневший, смутившийся, словно провинившийся школьник. Он попросил товарищей извинить его, так как он был задержан на заседании ЦК. В ответ на его извинение раздался взрыв крика: «не принимаем», «отклонить», «занести в протокол», что еще больше смутило т. Ленина.

Как председатель т. Ленин вел заседание с поразительным искусством. В Совете Обороны тогда увязывались важнейшие вопросы, связанные с войной и хозяйством. На повестке нередко стояло более 60 вопросов. Неудивительно, что при таких условиях, несмотря на жесткий регламент и умелое руководство заседанием со стороны т. Ленина, заседания затягивались до 2—3 ч. ночи. Усталые от дневной работы участники заседания утомлялись еще более, начиная нервничать, что сразу отражалось на прениях. В этих случаях хорошо освежал атмосферу веселый, заразительный смех т. Ленина. Он удивительно любил смеяться и, казалось, боялся пропустить хотя бы маленький повод для смеха, который тотчас заражал остальных и освежал утомленную нервную систему.

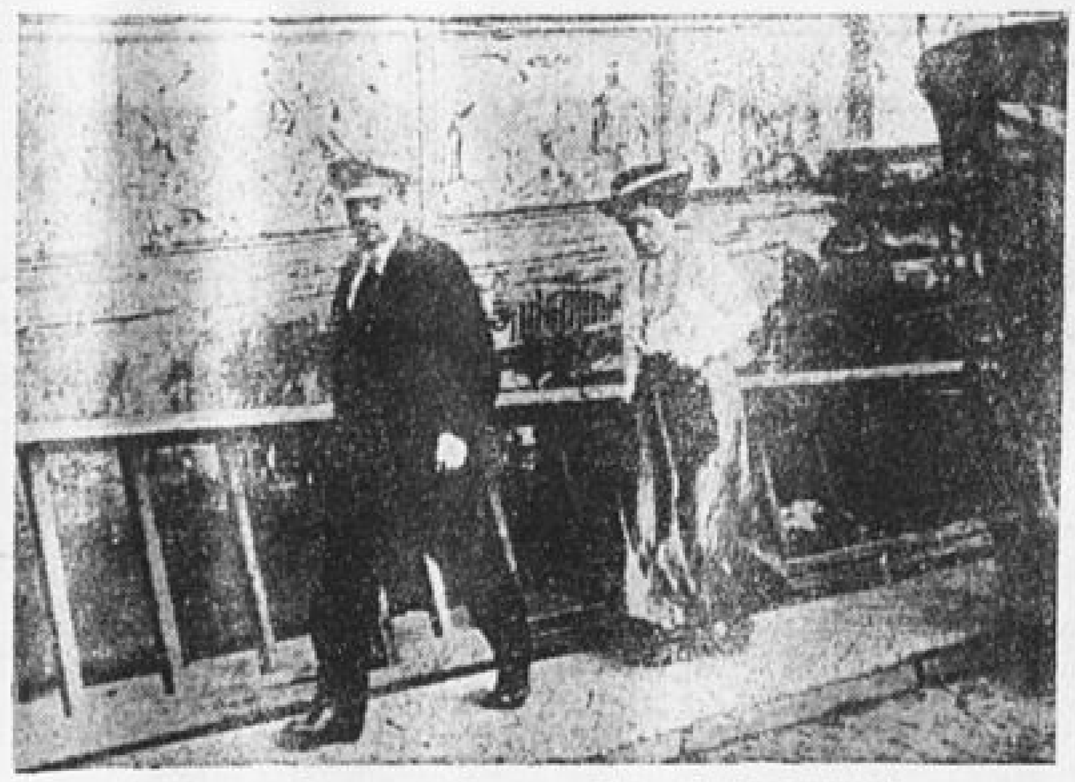
В заседаниях Совета Обороны не полагалось курить, так как Владимир Ильич не переносил табачного дыма. Выходить курильщикам во время заседания в другую комнату было неудобно. Поэтому им была предоставлена печная отдушина, которой они и пользовались по очереди, не лишаясь возможности следить за ходом заседания. Как были бы поражены иностранцы, если бы увидели наших товарищей народных комиссаров, которые, словно школяры, подходили с папиросной к отдушине, торопливо затягивались несколькими глотками табачного дыма и снова возвращались на место.

Иногда около отдушины собиралось несколько «курителей»; образовывался табачный хвост. Как и во всех хвостах здесь тоже начинались, если не разговоры, то перешептывания, мешавшие деловому ходу заседания. Кончалось обычно тем, что т. Ленин вынужден был разгонять табачный хвост.

*) Из воспоминаний С. Данилоса напечатанных в журнале «Молодая Гвардия» № 2—3, 1924 г.

Кабинет В. И. Ленина.

В Кремле. Владимир Ильич с Марией Ильиничной.

Живой памятник Ильичу

(Ст. Боголюбово, Владимир. губ. Ф-ка Орган. Труд).

Умер Ленин. Прогремела эта весть по всему миру. Прилетела и к нам, в глухую фабриченку и понеслась дальше во все уголки света, оставляя везде и повсюду печаль и траур. Когда играли похоронный марш, многие женщины плакали, мужчины крепились с трудом. Вяло, как измятая тряпка, развевался траурный флаг в морозном воздухе, нагоняя на всех своим видом щемящую тоску.

Прошел целый месяц со дня смерти Ильича. На фабрике общее собрание рабочих. Собираются кучками, занимают места, курят, говорят между собой. Но вот народу собралось уже достаточно. Товарищи, — говорит председатель, — почти все фабрики и заводы строят что-либо в память Ленина. Хотя наша фабрика мала, но все-таки мы не должны отставать от других, мы должны что-нибудь поставить в память Ильича. Правильно, правильно, — загалдели кругом. Что наша фабрика — глухая деревушка, что ли? Все это хорошо, а где же денег взять? Выход найден. У нас на колокольне висят колокола. Мнение некоторых товарищей — слить из колоколов памятник и поставить его на площади у корпуса № 2. А мое мнение, — запротестовал один рабочий, — лучше сделать живой памятник. Я предлагаю устроить дом для престарелых, а то вон у нас сколько старков накопилось. Пускай уж поживут спокойно напоследок. Правильно, правильно, — загалдели кругом. — Лучше живой памятник.

Голосуют. За дом для престарелых оказалось большинство. Постановили продать колокола и на эти деньги поставить живой памятник, а если денег нехватит жертвовать добровольно. Все согласились. Через несколько дней сняли самый большой колокол. Пука вылезай, — шутили рабочие, — а то все уши протрезвонил. Нечего зря-то болтаться. Продали колокол. Денег оказалось мало, решили вычитать по 2% с зарплаты у каждого рабочего. А когда денег накопилось достаточно, через 2 года после смерти Ильича, в бывшем саду хозяина фабрики вырос большой красивый дом с вывеской.

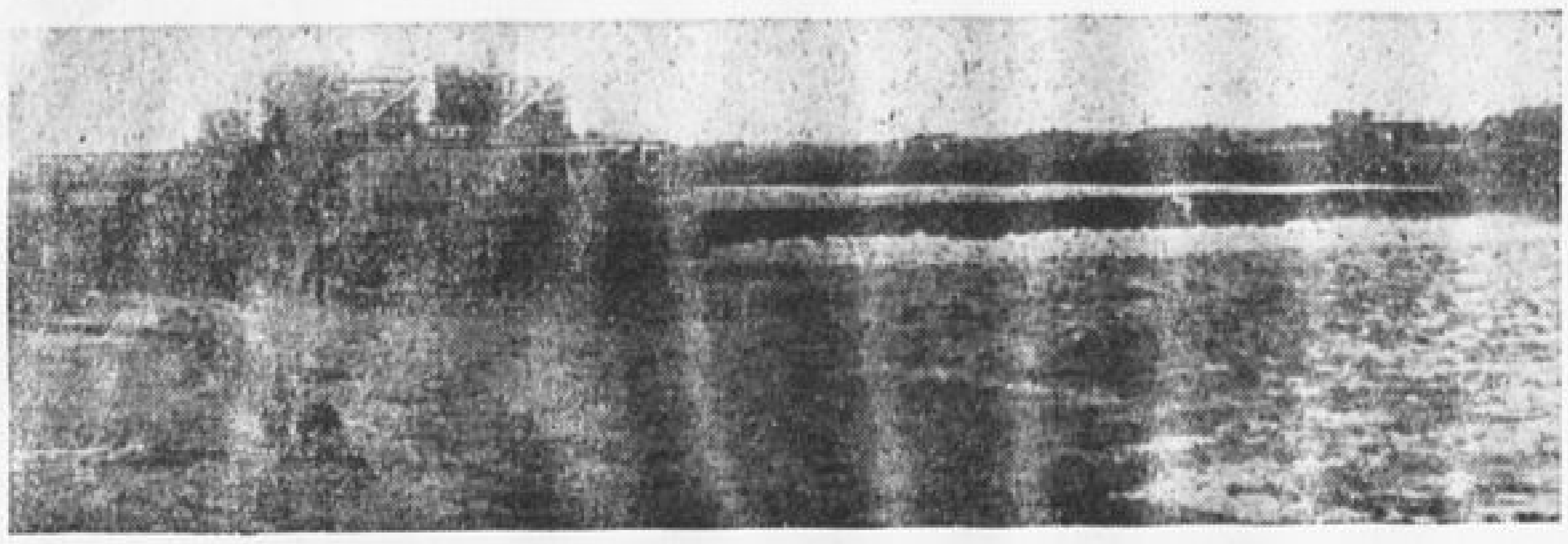
Вот так-то почли память нашего умершего вождя наши рабочие. Мы призываем другие фабрики, чтобы делали такие памятники. Когда состоялось открытие, много стариков-инвалидов выступали, благодаря рабочих и партию.

— Товарищи, — заговорил один старичок, с седой, как лунь, бородой. — Я вот скажу про себя. Где бы мне быть сейчас при старом праве вионешние годы? Уж известно где — я бы ходил с сумкой за плечами, прося христа ради кусок хлеба, выброшенный из производства, потому что я стал плохо видеть, я дряхл и не могу работать. Меня бы выбросили, как негодную тварь. И я бы проводил свой остаток жизни в скитаниях и нищете, так как я пролетарий и бездомный. А теперь мы здесь в тепле, нас хорошо кормят, и мы можем спокойно проводить свой остаток жизни. Спасибо вам, товарищи. Спасибо тебе, Ильич. Ты облегчил нам жизнь и сделал нас из рабов свободными.

Товарищи, побольше таких живых памятников. Поменьше слов, а побольше действительного дела.

Иванов Гриша.

На деле выполняем заветы Ильича—

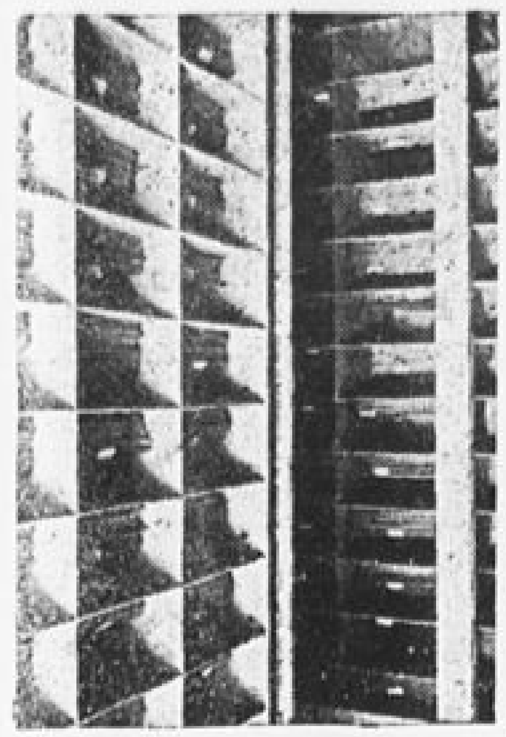
ВОЛХОВСКАЯ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

Волховстрой бесспорно первое и лучшее детище советского хозяйства. Ильич сразу оценил его значение и все время был горячим защитником осуществления строительного плана. Несмотря на бедственное положение страны, работа на Волховстрое ни на минуту не прекращались, и теперь мы имеем могучую единицу в нашем социалистическом хозяйстве.

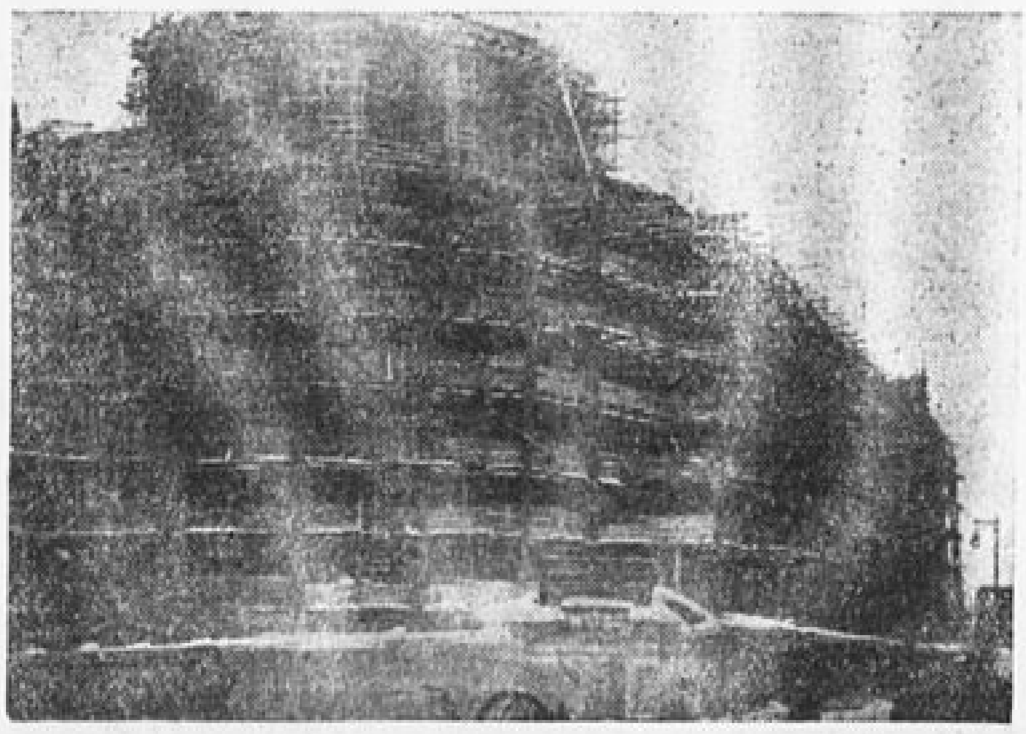
Создание Волховстроя тесно связано с именем Ильича и является лучшим залогом осуществления его заветов.

ИЛЬИЧЕВСКАЯ СОКРОВИЩНИЦА

В. И. Ленин оставил после себя богатое литературное наследство. Не считая многочисленных печатных работ, мы имеем ряд неопубликованных писем, представляющих собой большую ценность. Эти документы требуют очень бережливого отношения. Оригиналы рукописей, фотографии Ильича тоже дороги и ценны для нас. Институт Ленина собрал все это вместе. В третью годовщину смерти Ильича, в новом здании Института открывается музей Ильича, где будут воспроизведены некоторые комнаты, в которых работал и жил В. И. Ленин. Все документы хранятся в образцовом порядке, а наиболее ценные из них, в стальной комнате.

Рукописи В. И. Ленина, хранящиеся в его институте.

В Москве, по Тверской улице, строится центральный телеграф.

О грандиозности этого сооружения можно судить по следующему: высота 35 метров, 2.000 рабочих, в две смены с 7 час. утра до часу ночи заняты на постройке.

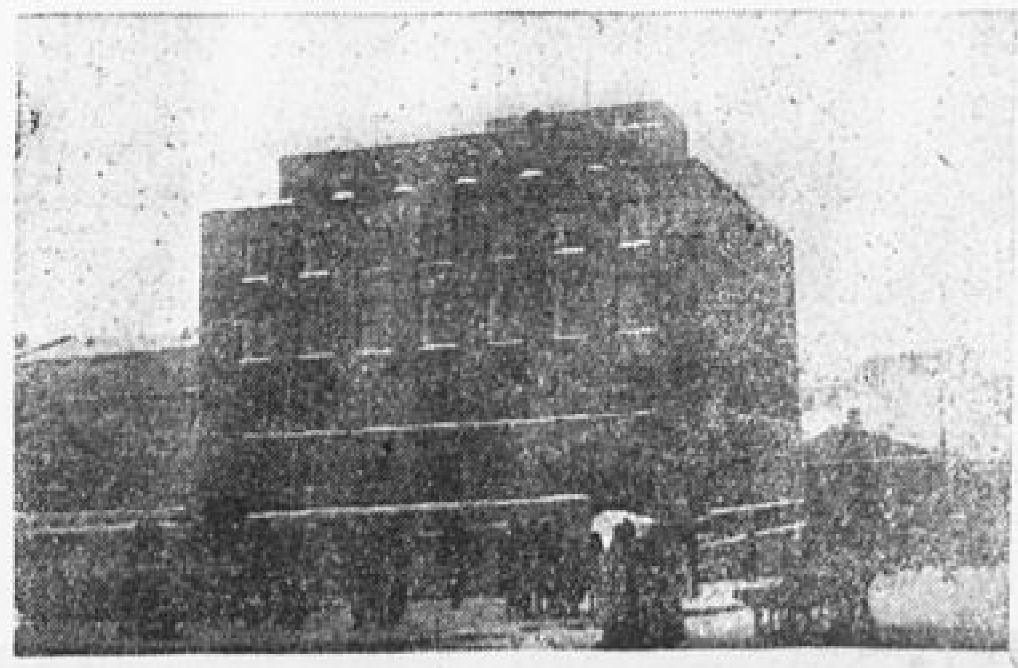
Растущее здание поглощает ежедневно до 6.000 пудов одного цемента. Все здание займет собою об'ем в 260.000 куб. метров.

БОЛЬШАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ В САМАРКАНДЕ

В Самарканде пущена новая электрическая станция с тремя дизелями общей мощностью в 600 киловатт. Пока станция работает с половинной нагрузкой.

Существовавшая до сих пор менее мощная электростанция переносится в Старый город.

На-днях во всем Самарканде ликвидируются мелкие станции, и все предприятия и освещение переходят на энергию новой станции.

Здание института В. И. Ленина.

ПУСК ЧЕРЕМХОВСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

День пуска в Иркутском округе новой Черемховской электростанции «Подарок Октябрю», отмечен всеобщим праздником.

В тяжелый 1920 год черемховцы воскресниками восстановили разрушенный механический завод. С огромными трудностями заложили электростанцию. Место, избранное для закладки, оказалось неудачным. Вначале пола постройку станции пришлось приостановить. Работы были возобновлены в 1923 году. Несмотря на все трудности, на нехватку частей и пр., постройка продолжалась. Черемховцев особенно воодушевляло письмо Ленина, присланное в свое время и оглашенное снова при открытии станции.

Ильич писал: «Черемховцы, мне особенно дорого чувство глубочайшей веры в победу советов, а также ваша непреклонная воля к преодолению трудностей. В этой твердости я, как и всякий коммунист, черпаю уверенность в мировой победе рабочего дела».

Первый ток дан в шахты, забои и дома рабочих.

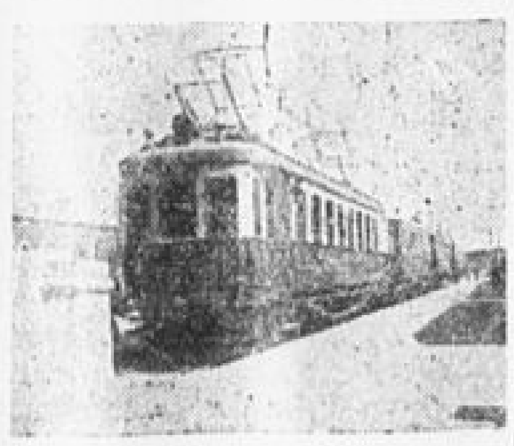
Новая станция имеет два трубогенератора—один триста, другой—в шестьсот киловатт и является центральной станцией Черемховского угольного района.

Вокзал электрической железной дороги в Баку.

Как в Горках

Пока едем березовой рощей, ветер нас серьезно не беспокоит. Простуженным голосом возница рассказывает бесконечно длинную историю о благополучном здравствовании в Москве его двоюродного брата. Но едва ступает лошадь на занесенную снегом поверхность реки Пахры, возница смолкает и тычет кнутом налево, где вырисовываются в морозном тумане какие-то вышки, обложенные со всех сторон досками и бревнами.

Поезд первой в СССР электрической железной дороги в Баку.

— Новый,—отрывисто, в полуоборот,—говорит возница. К весне должно закончат. В эдакую морозищу и все стучат. Возница смолкает и прикрывает лицо широкой руковицей. Слышно, как попыхивает паровик.

Постройки нового моста еще долго торчат на пепельном небе неуклюжими гигантами.

Возле деревни у возницы снова развязывается язык.

— Тебя к председателю? У нас баба. Деловая. Третий год доверием общества пользуется. Муженек ее покойный тоже серьезный мужчина был. С ним Ленин завсегда в трудные минуты советовался.

Любопытствуя, каким же это образом происходило:

— Видишь, изба с краю. Тут Владимир Ильич на сходке у нас был. Его Макушкин привез... Да тебе хозяин-то избы лучше расскажет. У него и протокол про это есть.

В этой обыкновенной, русской избе с низкими потолками в глаза бросается сразу электрическая лампочка.

Хозяин медленно одевает очки и вместо ответа на вопрос: здесь ли Ильич был на деревенской сходке, торжественно переворачивает стул и молча показывает на приклеенную бумажку, которая гласит, что на этом стуле сидел Владимир Ильич Ленин. 9 января 1921 г. Не без охоты начинает рассказывать. Время было голодное тогда. Мужики не разбираясь валили всю вину на коммунистов.

Собралось несколько крестьян деревни Горки, во главе с коммунистом Макушкиным, и зашел у них разговор о Ленине.

— Так-то он так,—сказал один в ответ на убежденные речи Макушкина, что Ленин прост и приветлив,—а вот, попробуй простой-то к нему подступиться. Царь не царь, а вот попробуй поговори с ним.

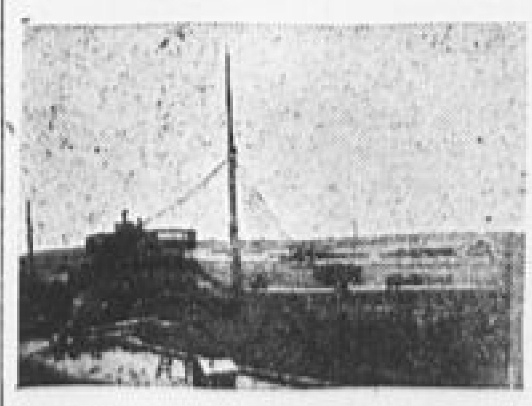
Макушкин был задет за живое.

— Да хоть сейчас иди к нему, он тебя примет,—запальчиво крикнул он.

— Ну, зачем меня одново. Пускай к нам на сходку придет. Мы ему и вопросиков зададим, чтоб ответил и международное положение он нам представит.

Макушин от такой «постановки вопроса» немного оробел, но храбро предложил отправиться к Ильичу всем вместе просить притти на деревенскую сходку.

Отправились. Велели доложить. Вдруг, глядят, он сам выходит,

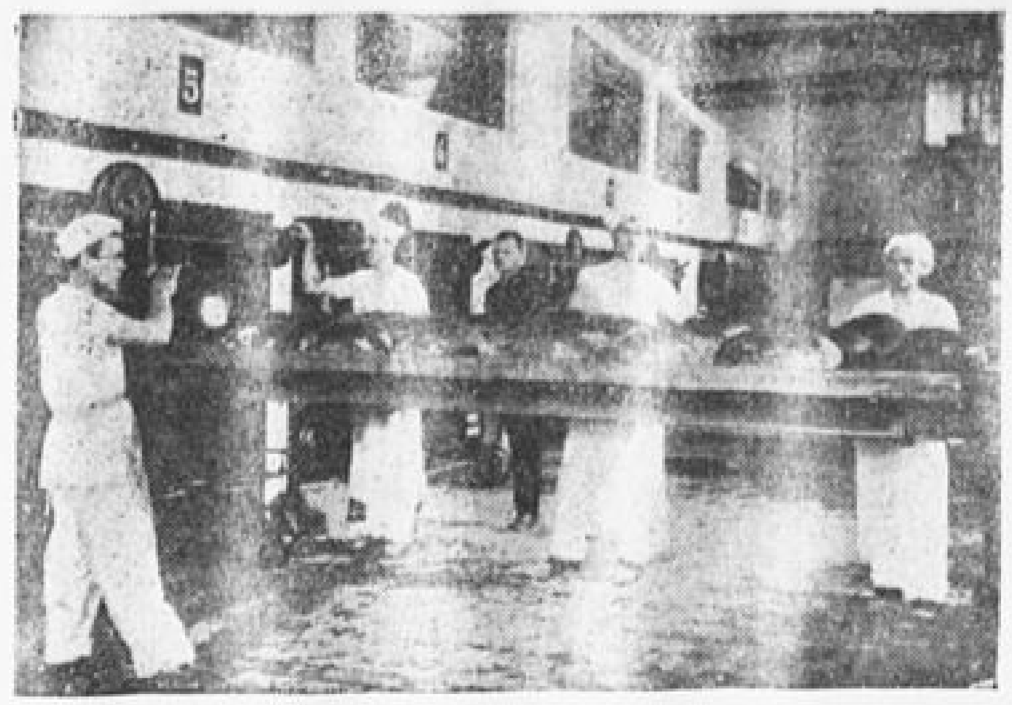
Новый советский нефтеналивной теплоход „Азнефть“, построенный северной верфью.

Строим социалистическое хозяйство

С развитием нашей промышленности растет потребность в новых, жилищах для рабочих. Старые, построенные еще до революции фабричные казармы далеко не удовлетворяют самым необходимым условиям гигиены — темны, тесны и грязны. Нам нужны новые, удобные жилища.

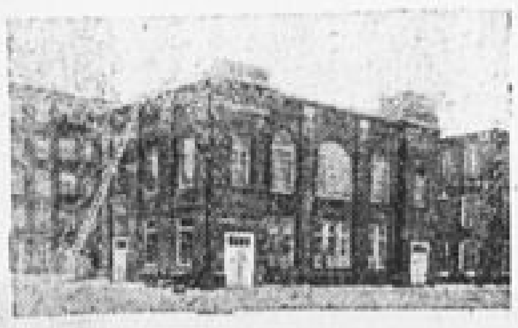
Наш снимок изображает постройку большого рабочего поселка «Красный Октябрь» в Ленинграде.

Механическое хлебопечение даст возможность увеличить норму выработки на одного рабочего до 300 процентов. Условия работы для рабочих на хлебозаводах значительно легче, чем при ручной работе. За последний год во многих городах начали строиться, а в некоторых уже построены большие хлебозаводы. Наш снимок изображает выемку из печей хлеба на длинные столы на харьковском хлебозаводе.

ПРОВИНЦИЯ ЭЛЕКТРИФИЦИРУЕТСЯ

Во Владимирской губернии начата постройка большой районной электрической станции, которая к началу 28 года даст ток высокого напряжения для обслуживания промышленности. Изношенность паросилового хозяйства уже сейчас заставляет переходить текстильные предприятия на электро-энергию, получая ее с Шатурской и Балахнинской станций. На снимке —здание вновь построенной передаточной электро-станции при крупнейшей, во Владимирской губ., фабрике «Коммун. Авангард».

«Каждая кухарка должна научиться управлять государством»,—сказал Ленин.—За последнее время все больше и больше женщин втягивается в общественную работу.

Растет число женщин-крестьянок членов сельских и волостных советов.

На нашем снимке женщина- председатель волостного совета в Казакстане за работой.

НОВАЯ ШКОЛА ФАБЗАВУЧА

Правление Закавказской железной дороги строит в Тифлисе школу фабзавуча. Фабзавуч будет состоять из двух отдельных корпусов. Школа расчитана на 500 учащихся.

В первом корпусе будет общежитие на 120 человек, столовая, баня, спортивный зал. Во втором корпусе—мастерские с литейным, токарным, котельным и электрическим цехами.

В память В. И. Ленина

Продолжается поступление пожертвований на постройку большой больницы им. В. И. Ленина в селе Шушенском, Минусинского округа, где Владимир Ильич жил в ссылке. Крестьянами сел и деревень Минусинского округа собрано между собой для этой цели около 1.000 рублей. Постройка больницы, по сообщению сибирских газет, идет безостановочно.

светло стало

Одет просто. Смотрит ласково. Поздоровался, как подобает.

— Зачем пришли?

— Соседи, мы, Владимир Ильич. Читаем в газетах: там-то вы бываете на митинге, там-то, а к нам не заглянете. Обидно даже как-то становится.

— Ну, что-ж, пожалуйста. Завтра вечером приду к вам.

Замялась делегация: «Вечером неудобно вам будет. Освещение у нас известно какое. Чуть не лучина.

— Ну я отсюда лампу возьму,— нашелся Ильич.

На другой день привалила на сходку вся деревня. Владимир Ильич не обманул. Пришел во время и сделал понятный, обстоятельный доклад о международном и внутреннем положении советской республики.

«Вопросики» задавали заковыристые.

— За что милиция избу отбила у мужика одного. Он в кухне поневоле жил. Сдавал не с радости.

— Какие же вы, правители, когда ваши подданные голодают. Налог непосильный с нас.

— В совхозе электричество есть, а нам не дают! Рядом, ведь, совсем.

Ильич вникал во все лично. Тут же отдал распоряжение выселить милицию.

— Если вас обижают, жаловаться надо,—говорит. — Насчет электричества велел написать заявление в ВСНХ, а копию ему дать:— Подстегивать буду.

Строющаяся радио-станция «Большой Коминтерн»,

Ильич «подстегивал» добросовестно. Той же весной в Горках засветилась «лампочка Ильича».

Праздник это был великий. У Василия Александровича Шельгунова, хозяина той самой избы, где Ильич был на сходке, хранится резолюция. Грамотей ее составлял, видно не знатный потому, что орфографическими ошибками пестрит ее строки, в канцелярских оборотах речи видно тоже не был искушен, потому и вышла эта резолюция такой занимательной. Праздничная резолюция.

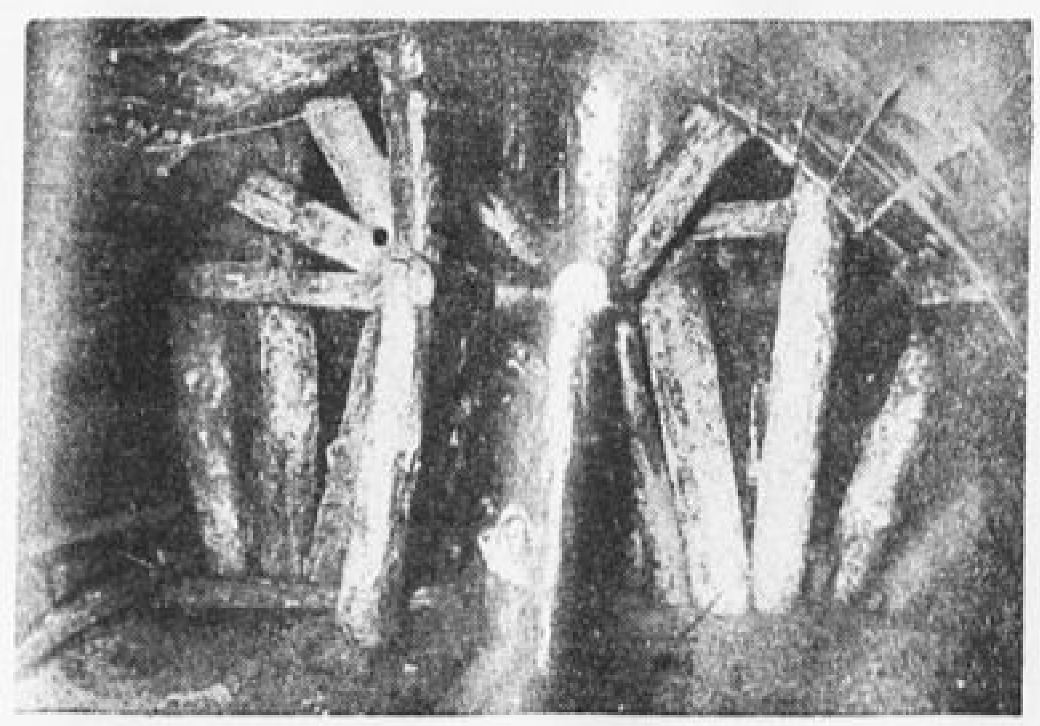
— После окончания собрания началось гулянье, на котором присутствовали и почтенные, убеленные сединами старцы и молодежь, и детвора. Гулянье закончилось поздно вечером, при самом наилучшем веселом настроении. У всех присутствующих вид был, действительно, праздничный и все одеты были по-праздничному.

Не из резолюции эти слова. Это —из какого-то более живого источника, чем лист бумаги.

Радость горковцев затемняло только отсутствие главного участника торжества—Ильича.

Великий вождь не забыл своих соседей, но в тот день он был далеко от них, занятый неотложной и важной работой.

В. Кошкин.

Заканчивается постройка новой железнодорожной линии Мерефа—Херсон. Движение по линии Мерефа—Днепропетровск уже началось. Общая длина Мерефо-Херсонской дороги 543 версты. На снимке туннельные крепи.

Новый рабочий поселок им. Степана Разина в Баку.

Памяти Красной Розы

Вздымаются грозы
Взлетом борьбы,
Имени Розы
Нам не забыть.

А. Жаров.

15-го января 1919 года германские рабочие, а вместе с ними пролетарии всего мира потеряли своих лучших вождей — Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Карл и Роза были зверски убиты, освирепевшими германскими контрреволюционными офицерами. Имя Карла Либкнехта и Розы Люксембург, отдавших всю свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся не забудут угнетенные пролетарии всего мира.

❦

Роза Люксембург родилась в 1870 г. в Польше. Будучи еще 16-летней ученицей одной из гимназий гор. Варшавы, она уже отдалась революционной борьбе польских рабочих. А когда ей было 18 лет, вследствие угрозы ареста, Розе уже пришлось бежать в город Цюрих (Швейцария), где она поступила в университет. Здесь она с еще большими усилиями занималась изучением политических вопросов, а также продолжала свою революционную работу. Будучи еще студенткой университета, она обратила на себя внимание всех студентов тем, что всегда на всех лекциях забрасывала профессоров умными и дельными вопросами.

Профессора ее стали бояться, презирать, и прозвали Розу «польской чертовкой».

В 1893 г. Роза Люксембург вместе с известным польским революционером Львом Иогихесом (Тышка) образовала социал-демократическую партию в Польше. Во время революции 1905 г. в России (Польша тогда была под властью царской России), она была в Варшаве арестована царской полицией за революционную работу, а затем была выпущена под залог и вынуждена была бежать в Германию.

Здесь Роза Люксембург продолжала свою работу среди германских рабочих, но в то же время не теряла связи с революционными рабочими Польши. Она познакомилась с русскими большевиками, во главе с Лениным, с которым она поддерживала в дальнейшем постоянную связь.

Мировая буржуазия стала готовиться к войне, и Роза Люксембург, вместе с Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом и старым германским революционером Мерингом, первые подняли знамя борьбы против империалистической бойни, затеваемой буржуазией. В 1913 году за пламенную и мужественную речь против войны и социал-демократов, поддерживающих эту войну, Роза Люксембург была приговорена к году тюремного заключения.

Во время войны после выхода из тюрьмы, Роза Люксембург вместе с Карлом Либкнехтом организовали революционный союз германских рабочих, названный именем славного римского народного героя и бунтаря — Спартака.

Несмотря на то, что «Союз Спартака» был совсем молодой организацией, он пользовался большим доверием среди германских рабочих. Не-

Роза Люксембург.

дером, за это в 1916 г. Роза Люксембург была опять арестована германской полицией. Но и в тюрьме она продолжала свою работу. Она писала статьи, воззвания ко всем рабочим с призывом бороться против капиталистической бойни.

Прекратилась война, окончившаяся поражением Германии. В 1918 году в Германии вспыхнула революция, которая свергла императора Вильгельма. Однако, у власти также, как во время Февральской революции в России, стали не рабочие, а буржуазия и ее прислужники социал-демократы. И опять Роза Люксембург вместе с Карлом Либкнехтом стали призывать рабочих последовать примеру русских большевиков: свергнуть новое контрреволюционное правительство.

Рабочие верили своим вождям.

❦

В январе 1919 г. под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург «Союз Спартак», вместе со всеми революционными рабочими Германии, выступили с вооруженным восстанием против правительства капиталистов и социал-демократов. Но они еще были слишком слабы и малочисленны.

Ведь спартаковцы насчитывали в своих рядах всего несколько сот передовых революционных рабочих!

Буржуазия же была во много раз сильнее этой небольшой группы борцов. Она имела в своих руках армию и полицию, которая была у нее на службе.

Храбро и геройски сражались германские спартаковцы в январе 1919 г. на баррикадах Берлина и других городов Германии. Но они были побеждены освирепевшей контрреволюцией. Десятки и сотни лучших борцов погибли в этой неравной борьбе.

Геройское восстание было подавлено и потоплено в крови. Славные германские спартаковцы были побеждены.

❦

После поражения восстания спартаковцев, Карлу Либкнехту и Розе Люксембург пришлось скрываться в подполье от рук германских палачей. Но буржуазия знала, что в лице Либкнехта и Розы Люксембург она имеет своих непримиримых врагов. Она бросила всех своих лучших агентов и жандармов на розыски Карла и Розы. И они были найдены. В тот же день буржуазия и военщина праздновала свою кровавую победу. В тот же день Карл Либкнехт был убит за городом в Зоологическом саду офицерами, а Роза Люксембург, до смерти избитая прикладами винтовок, была брошена рассвирепевшими офицерами в канаву, и только через несколько месяцев ее истерзанный труп был найден в канаве.

Так погибла эта славная революционерка, до последней минуты дышавшая борьбой за дело угнетенных трудящихся.

М. ЛЯС.

Ильич на отдыхе*)

В конце июня 1917 г. Владимир Ильич почувствовал себя крайне утомленным. В политической жизни наступило затишье. Товарищи стали настоятельно просить его отдохнуть.

Я тоже отправился отдохнуть к своей семье, которая в то время проживала близ станции Мустамяки по Финляндской ж. д. в деревне Найвола, где мы имели небольшую дачу. Владимир Ильич несколько раз собирался к нам приехать, что называется, подышать свежим воздухом, но дела не допускали. Уезжая, я еще раз сказал ему, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, что комнаты для них приготовлены и ожидают своих жильцов.

У меня было мало надежды, что Владимир Ильич вырвется из петроградского пекла, хоть я и знал, что он лишился сна, что у него появились головные боли; его лицо побледнело, глаза говорили о большом утомлении... И вдруг, неожиданно, 25 июня, часов в 5 вечера, смотрю и прямо не верю от счастья глазам своим, помню даже растерялся как-то: шествует прямо на балкон по лестничке Демьян Бедный, загораживая своей широкой спиной всех остальных. За ним Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком и тут же Мария Ильинишна и Надежда Константиновна.

Оказалось, что Владимир Ильич вдруг решил поехать отдохнуть и с вокзала направился, по конспиративной привычке, не прямо туда, где предположил прожить, а на извозчиках к Демьяну Бедному, и уже от Демьяна Бедного, когда уехали извозчики, пешком ко мне за полторы версты.

С каждым днем к нему все больше возвращался сон и он сам становился бодрее.

Нередко, он, по большей части с Марией Ильиничной, а иногда и со всей нашей компанией — ходил гулять к озеру, на берегу которого он любил подолгу просиживать. Несколько раз я ходил с ним купаться, и так как он был замечательный пловец, то мне бывал жутко смотреть на него: уплыве далеко-далеко в огромное озеро, ту да, где линия другого берега скр валась в туманной дали, и там га то ляжет и качается на волнах... Я знал и предупреждал его, что озеро есть холодные течения, чт оно вулканического происхожден и потому крайне глубоко, что в не есть водовороты, омуты, что, нако нец, в нем много тонет людей, и чт по всему этому надо быть осторож ным и не отплывать далеко.

Куда там!

— Тонут, говорите... — пере спросит бывало Владимир Ильич,— аккуратненько раздеваясь.

— Да тонут, — вот еще не давно...

— Ну, мы не потонем...

— Холодные течения, это не приятно...

— Ну, ничего, мы на солнышк погреемся... Глубоко, говорите?

— Чего уж глубже...

— Надо попробывать достат дно...

Я понял, что лучше ему ничего этого не рассказывать, так как он, как настоящий заядлый спортсмен, все более и более каждый раз начинает распаляться, приходить в задор.

Не успеешь и оглянуться, как он уже побежал по отлогому береговому дну озера, потом сразу сверкнет дельфином, руками вперед, бултых — и пропал... И нет, ж его...

*) Из статьи В. Д. Бонч-Бруевича,—Ленин в России после февральской революции, — напечатанной в журнале «Молодая Гвардия» № 5, 1924 г.

(*Продолжение см. стр. 7*).

СЛАВНЫЙ ГЕРОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Карл Либкнехт родился в августе 1871 года. Его отец—Вильгельм Либкнехт — известный революционер, друг Карла Маркса был преследуем капиталистическим правительством в Германии и вскоре был сослан в деревушку Борсдорф (Германия). Первые впечатления Карла и связаны с этим местом.

Тяжело жилось семье Либкнехта. Не хватало средств на жизнь. И маленькому Карлу пришлось рано познакомиться с нуждой. Но это лишь закалило его, подготовляя к будущим лишениям.

Карл до ночи у маленькой лампы — читал. Он хотел знать, он пожирал книги, он мечтал о великих знаниях.

Так рос Карл, видя преследования социалиста-отца, живя в нужде, учась и окруженный любовью родных.

В 1894 году Либкнехта забрали в солдаты. Никогда еще казармы не воспитывали в своих стенах такого ненавистника милитаризма (военщины). Либкнехт понял, что армия у буржуазии — это худший обман, худший насильник для рабочих. От капиталистической казармы больше всего страдает молодежь — наиболее революционная часть рабочего класса. И вот к ней, к молодежи, обращает свои взоры Карл, зная, что она поддержит его в борьбе с капиталом.

Своими речами и выступлениями Либкнехт завоевал себе симпатию и любовь рабочих и избирается им в 1902 г. в Берлинское городское самоуправление, потом, через несколько лет и в рейхстаг.

Либкнехт помогает организоваться революционной молодежи в начале в Германии, а потом в международном масштабе (Штутгарт — 1907 г.). В 1907 году он выпускает книжку «Милитаризм и антимилитаризм» (Военщина и противовоенщина), где он разоблачает обман капиталистических армий, где, обманывая рабочих и крестьян под именем защиты «отечества», заставляли их убивать своих братьев — рабочих других стран.

Карл Либкнехт на каторжных работах во время империалистической войны.

Либкнехта за «измену» сажают в тюрьму, но это не сломило железной воли рабочего борца.

Когда он выходит из тюрьмы, он становится во главе юношеских организаций, которые были против комитетов молодежи, устраиваемых меньшевиками и сводивших революционное юношеское движение к занятию физкультурой и чтению божественных книг.

Он борется за участие молодежи в политической борьбе пролетариата против буржуазии.

Приближалась война. Меньшевики, помогая буржуазии, обманули верящих им рабочих двинули рабочих на братоубийственную бойню. Один Карл поднял руку против войны. И тогда против него ополчились все его недавние друзья. Его преследуют и гонят. Либкнехт, как будто, одинок. Скоро его посылают на фронт. Оттуда он пишет своим детям:

«Дорогие дети!

Сегодня здесь бешенный день и очень скверный вечер. Русский отряд произвел на нас, со стороны Риги, неожиданное нападение. Мы роем теперь новые позиции на самой передовой линии. Свежо. Рядом со мной все грохочет и гремит — против нас выпущены все силы ада. Я не буду стрелять.

Прощайте, милые. Целую вас так же горячо, как люблю. Через девять недель увидимся.

Всего, всего лучшего

Ваш папа».

Ничто не может сломить твердой воли рабочего друга и вождя. Когда отпуск вернул его 1 мая 1916 г. в Берлин, он тут же бросается на демонстрацию противников войны, призывает их пламенными речами на борьбу с капиталом, за немедленное прекращение убийства.

Его хватают полицейские, избивают и на 4½ года засаживают в крепость.

Но Либкнехт не сдается, он мечтает о борьбе, он готов головой пробить стены тюрьмы.

В своих стихах, написанных в каменной клетке, он пишет:

«...Я защищаюсь, я буду крепиться, и чорт подери меня и всякого, кто слабее телом и духом. О, если бы находиться теперь на воле. Я готов бить головой о стены. Но я бодр, здоров и все прочее...

...Как поживают друзья? Передай всем привет и мое пожелание: что бы ни случилось — ни шагу назад...».

Сломить волю и убеждения Либкнехта нельзя было ничем.

Его имя произносится на всех уголках земного шара, как символ революции.

Из тюрьма он шлет горячее пожелание русской революции, мечтая о такой же победе в Германии.

Трещины в правительстве Вильгельма заставляют последнее освободить «Железного Карла» досрочно. Десятки тысяч рабочих встречали освобожденного вождя.

Карл ринулся на бой с еще существующим правительством Вильгельма.

Скоро под ударами бедствий войны и гнева рабочих правительство пало. Либкнехт первый водрузил красное знамя на правительственных учреждениях. Это было 9 ноября 1918 года.

Но во главе страны стали слуги капитала—социал-демократы. Их надо свергнуть, ибо они лишь предают интересы рабочих.

И вот, в январе 1919 года, во главе со спартаковцами (это все та молодежь, которая не отходила от своего вождя) рабочие Берлина двинулись на штурм для окончательной победы над буржуазией и ее прихвостнями — меньшевиками.

В неравной борьбе герои спартаковцы во главе с Карлом дрались на смерть. Пощады не будет. То здесь, то там на баррикадах возвышался голос Либкнехта, ободряя уставших, зажигая сомневающихся.

Это была неравная борьба. Все мужество и героизм спартаковцев не могли заменить массового рабочего движения. А массы рабочих еще находились под влиянием обманывающих их меньшевиков.

«Спартаки разбиты!

Карл Либкхнет 18-тилетним юношей.

О, оставьте, мы не бежали, мы не разбиты! И, если они закуют нас в кандалы, мы все же здесь, и здесь останемся. И нашей будет победа.

Ибо Спартак, это — огонь и дух, это — душа и сердце, это — воля и действие пролетарской революции. Спартак, это — нужда и жажда счастья, это воплощение боевой решимости сознательного пролетариата. Ибо Спартак, это — социализм и мировая революция».

Либкнехт мечтает о новых боях, об окончательной победе.

Но предатели знали, какого опасного врага они имели в лице Либкнехта. Либкнехт был пойман и обманом, вдали от рабочих жилищ, с ведома предателей-меньшевиков был зверски убит. Лишь через несколько времени его труп был опознан друзьями, а убийц «беспристрастный суд» буржуазии оправдал.

Так жил и погиб железный Карл, всю свою жизнь отдавший служению рабочему классу.

Любич.

Кровавое воскресенье—9 (21) января 1905 года*)

ЦАРСКИЙ ОТВЕТ

Двадцать один год тому назад, в морозный январьский день, русский император открыто и беспощадно показал рабочим, что он заодно с фабрикантами, капиталистами и помещиками, что они все одна дружная семейка, помогают и защищают друг друга.

До 9 января 1905 г. многие тысячи рабочих верили, что царь не знает о бедственном и бесправном положении рабочих. Они думали, что царь не знает всей правды, что чиновники не говорят ничего царю. Рабочие считали, что фабриканты и капиталисты, на которых они работали по 10—12 часов—одно, а царь—другое.

Рабочим с детства в школах, затем в церкви, на заводах и фабриках вдалбливалось в голову, что царь—их отец, что он заботится о своих подданных, что царь все может сделать.

И поэтому многие рабочие думали, что если царь до сих пор о них не позаботился, не облегчил их трудной жизни, то это потому, что царь ничего не знает. Стоит только царю написать о жизни рабочих, рассказать чего рабочие хотят, как царь немедленно исполнит просьбу рабочих.

Но ответ царя на просьбы рабочих был совсем не такой, какой ожидали рабочие.

«Вышли к царю добиваться прав своих, но он встретил вас ружейными и пушечными залпами, ударами пик и отточенных сабель своих свирепых опричников...

Вы просили у него хлеба и работы, а он угостил вас раскаленным свинцом»,—вот что писали большевики в своем воззвании к рабочим после расстрела 9 января.

А вот что писали рабочие в своем обращении к царю:

«Государь, мы, рабочие и жители города С. Петербурга, разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты... Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать...

Нет больше сил, государь, настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...

Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука...»

Мысль о подаче царю просьбы возникла у рабочих после забастовки на Путиловском заводе.

В середине декабря 1904 г. с Путиловского завода было уволено четверо рабочих. Мастер, который уволил их, особенно грубо обращался с рабочими и часто обсчитывал их. Это переполнило терпение рабочих и они посадили этого мастера в мешок, положили на тачку и вывезли из завода.

Администрация завода начала после этого расправу с недовольными рабочими. На защиту товарищей выступили рабочие всех цехов и 3 января завод остановился—рабочие об'явили забастовку.

Забастовка Путиловских рабочих была дружно поддержана рабочими других заводов и через несколько дней в Петербурге бастовало уже 150 тысяч рабочих.

Под влиянием священника Гапона, рабочие решили отправиться ко дворцу царя и подать царю петицию (просьбу), в которой описать свое положение и изложить свои просьбы. В этой петиции рабочие требовали восьмичасового рабочего дня, свободы слова, печати, собраний, отделения церкви от государства, постепенной передачи земли народу и созыва Учредительного собрания.

Массовое шествие было назначено на воскресенье, 9 января. За несколько дней до него, на рабочих собраниях читали, обсуждали и дополняли петицию к царю.

С раннего утра 9 января тысячные толпы народа собрались в разных концах Петербурга и двигались к Зимнему дворцу с иконами, с царскими портретами.

Но царь тоже приготовился к встрече со своими подданными... Всюду стояли войска и полиция. И они в ответ на петицию встретили безоруженные, мирные толпы народа—залпами.

1216 человек было убито и около 5000 ранено.

После этой кровавой встречи царя с народом у рабочих открылись глаза. Они поняли, что положение рабочих может быть изменено к лучшему не просьбами к царю, а борьбой с царем, потому что царь и капиталисты—это одно.

«Не просить, не требовать, а брать»—вот что вынесли рабочие из кровавого воскресенья.

Ш—т.

Рабочие Путиловского завода во время забастовки.

Ильич на отдыхе

(Окончание).

Какие только мысли в эти тягостные минуты не пройдут в голове....

И вдруг там далеко, далеко, неожиданно выскочит над водой, перевернется на спинку, как-то сядет в воде по пояс, обеими руками приглаживает волосы, венком оторачивающие его поблескивавшую на солнце голову, утрет лицо, избавляясь от лишней влаги, и кричит, и манит, и рад, и доволен...

— Что же вы там так долго? Здесь прекрасно. Очень хорошо.

Играет с водой и двигается, и ныряет, точно он всю свою жизнь только и делал, что плавал и был на воде. И вдруг его опять нет. Ждешь, ждешь.... Нет, и нет. И опять, еще дальше уже плывет, голова чуть виднеется, вот лег на спину, отдыхает, потом сразу перевернулся и зачесал саженками, да какими! Сильными, огромными, летит, что твой катер. Большая голова виднеется издали, глаза устремлены, поблескивают...

— Дна не достал, там шибко глубоко... Хо-р--р-о-о-шо...

И опять замахал, и опять скрылся.

Вот, видимо, решил домой. Быстро перевернулся на спину и еще быстрее, полным ходом, пошел необычно, ногами вперед, а руки, кисти рук, так и мелькают около пояса, как лопасти речного парохода и скоро он приближается и вот кажется совсем уже должен выйти. Но никак не может отказать себе в удовольствии: разом кувыркнулся и пропал, выскочил, опять кувыркнулся...

Господи, думаю, когда же, наконец, вынесут его волны на берег. И вот сразу выкатился, как шар, из воды и давай тут же в озере нагонять волну на волну... Пошалил, поиграл, неожиданно выскочил и побежал по низкой воде к берегу...

Наконец-то...

Доволен из всех сил... Хвалит озеро... Хвалит разнообразную температуру... Говорит, как попал в холод, — словно обожгло, а потом на солнышко. И нырял глубоко: ни травы, ни дна, ничего не видно, даже темно в воде...

Трунит над боящимися воды, говорит, как завтра будет снова купаться... Вижу, дело серьезное...

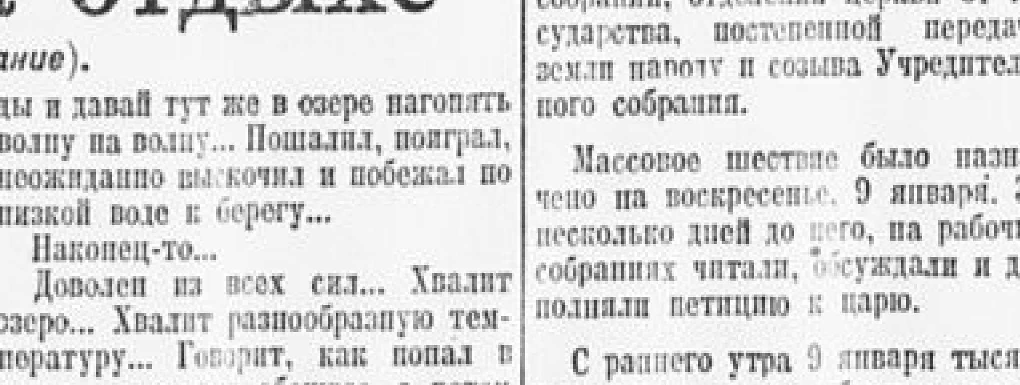
Звать кого-либо в компанию, пловцов хороших нельзя, — рассердится и купаться не пойдет, лишишь удовольствия, а так — жуть берет. Ведь, в самом деле, озеро опасное.

Финские рыбаки, родившиеся здесь и те боятся его и не решаются купаться далеко от берега.

Что тут делать?

Решил тайно от Владимира Ильича приспособить лодку, с которой я великолепно управляюсь и в былое время на гонках ходил первым. Иду в тот же день нанять и перегнать лодку с другого участка озера, меня встречают и спрашивают:

— Кто это с вами вчера купался... Ну, и пловец...

Московские баррикады в 1905 года.

КАК ЭТО БЫЛО...

Настало роковое воскресенье. С утра я вышел с женой из дома и пошел по Невскому проспекту к

Царские охранники на страже.

Александровскому саду. Был солнечный, слегка морозный день. На улицах уже чувствовалось оживление, и росла атмосфера напряженного ожидания.

Дворцовая площадь была занята войсками. Туда никого не пропускали. У Александровского сада стоял кучками народ. Все в большем и большем числе стали появляться группами и в одиночку рабочие. Они были одеты по-праздничному. Направляясь по Невскому и с Адмиралтейской улицы к Александровскому саду, они наталкивались на военные патрули, не пропускавшие на площадь, и оставались в ожидании.

Вскоре появились конные раз'езды жандармов и казаков и стали оттеснять собравшихся назад, к Гороховой улице, у которой также выстроилась шеренга городовых. Попытки рассеять толпу, однако, ни к чему не приводили; она без всякого сопротивления переходила на другое место, а потом вновь просачивалась к Александровскому саду.

Вскоре возле сада набралось большое количество народа. Все чего-то ждали. Было мирное настроение. На полицию смотрели с добродушием.

— Для порядка выехали! Чего беспокоятся? Сами такой порядок держим, какого они и не видывали.

Все мирно разговаривали друг с другом. Шутили, смеялись.

К тротуару под'ехал взвод жандармов.

— Ну, чего стоите? Расходитесь!—крикнул офицер и в'ехал на тротуар.

Толпа молча подалась, но, теснимая сзади, снова заняла прежнее место.

Рабочие добродушно посматривали на солдат.

— И чего только мучают их? Спозаранку на мороз выгнали. Холодно им, чай, в шинелишках-то.

Все были полны ожиданием чего-то торжественного, радостного, и это ожидание светилось в глазах, в улыбке, в отношении к окружающему.

Пробило половина второго.

— Через полчаса,—слышно в толпе.

— Выйдет ли?

— Беспременно выйдет. Батюшка Георгий ему вчера письмо послал.

— А зачем солдат столько?

— Боятся нашего брата. Думают, — звери мы. Сидели мы до сих пор у себя по заводам, — ну, здесь нас и не знают. Думают, мы, ожидаючи, беспорядок делать будем.

Бледный, запыхавшийся мальчишка прибежал откуда-то.

— А у Нарвской заставы стреляют. Убитых, раненых там, н-н-н...—иконы расстреляли, царские портреты изрубили...—произносит он.

— Чего ты, дурак, прилез сюда ерунду городить! Ступай прочь, чтоб тебя... Смущаешь народ только,—сурово оборвали его.

Оторопелый мальчик бормотал:

— Я ничего... Только я сам видел...

Какая-то огромная тяжесть легла на сознание.

Впереди, на Дворцовой площади, заиграл рожок гориста. Публика двинулась туда еще теснее, желая посмотреть, в чем дело.

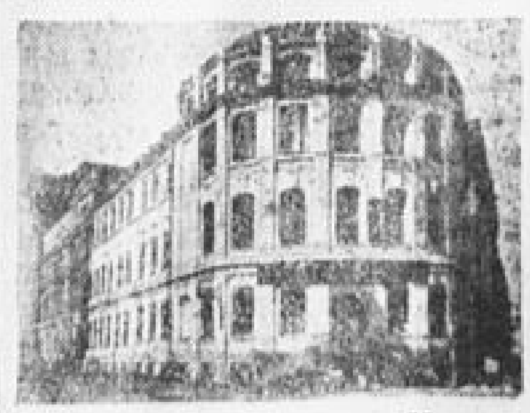
— Нашли время парады устраивать!..—говорил кто-то.

Мальчишки бросились к деревьям Александровского сада и быстро забрались на самые верхушки, чтобы посмотреть на маневры войск. Вдруг впереди, разрывая на клочья тишину ясного воздуха, грянул залп... а за ним—второй... Потом—третий... Никто не понимал, что это такое, и, лишь увидев убитых и стонущих раненых в своих рядах, толпа подалась назад и в ужасе стала разбегаться по поперечным улицам.

Арест первого совета рабочих и солдатских депутатов в 1905 году.

Третий залп был направлен по мальчишкам, забравшимся на деревья Александровского сада. Многие из них комьями упали вниз и, неестественно скорчившись, остались лежать на снегу. Казаки бросились на разбегающуюся толпу...

Здание в котором заседал Московский Совет в 1905 г.

У Нарвской заставы войска преградили путь рабочим, шедшим во главе с Гапоном. Впереди рабочие несли царские портреты, иконы и церковные хоругви. После безрезультатного приглашения разой-

*) Из книги Сверчкова «На заре революции».

(Окончание см. стр. 8).

Цыбала

Повесть ВАДИМА АХРЕМЕНКО.

Содержание предыдущих глав:

В германскую войну из Туркестана и Бухары были вывезены верблюды для военного обоза. Один из них во время революции попадает к Ефиму Кудели, бедному крестьянину Киевской губ. Здесь неуклюжая животина получила кличку «Цыбала» — верзила. Хозяйка, жена Куделя, не взлюбила верблюда, зато крепко подружилась с ним семилетняя Надька, дочка Куделя, и кобылка Лысуха.

А дома, в родном дворе, Лысуха сразу повела себя гостеприимной хозяйкой. Когда выпускали ее побродить по двору, она первым долгом заходила навестить своего нового товарища. Маленькая кобылка становилась рядышком с Цыбалой, делала вид, что тянется к его корму, шутливо отфыркивалась, хрюкала влажными ноздрями и, заломив шею, усердно почесывала зубами плешивый верблюжий живот.

Ефим навил веревок, смастерил Цыбале нехитрую сбрую и принялся за дрессировку. Верблюд, привыкший ходить в паре, беспокоился, падал и ревел, едва только его пробовали запречь в повозку или плуг. К осени, с неимоверными трудностями Куделя кое-как приспособил животное к оглоблям, но заставить его пахать—не было никакой возможности.

***

Подходила зима. По утрам хрустели под ногами остекляневшие лужицы, и дым уже не стлался над избами, а тонкими прямыми струйками тянулся к холодному серому небу.

Все чаще закипали жаркие споры между Параскевой и Ефимом.

— Что ты с ним носишься, со своим Цыбалой, как дурень с писаной торбой, — начинала скрипеть жена. — Зима находит, не видишь разве? Где ты держать будешь и чем станешь кормить до самой весны этого дармоеда. Толком говорю тебе, Ефим, — продолжала баба. — Застрели ты этого дьявола африканского, по крайней мере хоть шкуру продашь и будет нам выгода... Кожа нынче в цене. Застрели!

— Ой, мамунечка, ой што-ж вы такое говорите, — перебивала ее обычно на этом месте Надя. Голубочка-ж моя, да за что-ж его такого хорошего, да малюсенького стрелять...

— Замолчи, стрекотуха!, — мать слово, а она десять, замолчи сейчас же! — беленилась Параскева.

Но на помощь дочери тотчас же выступил Ефим.

— Все стреляй, да стреляй. Ишь ты, алтиреллистка какая выискалась, командует — стрел-я-яй, — передразнил он ее, спокойно дымя цыгаркой. — Поди да стреляй сама, ежели ты уж такой стрелок. Вон Надюшка малая, ребятенок, и та чует, что животная эта может по родине своей тоскует. Нездешния она, вот что. А на счет убытку. так ты даже оставь разговоры. Много ли он ест-то? Да и что он жует, горемыка: камышину лопает, да хворост вербовый, да сенца малость. Я думаю, не об'ест этим. Мы еще и не раскумекали делом, баба, куда его приспособить по настоящему можно. Да может он в какой работе — первым старателем будет... Ведь силища то у него, видно..., а-ах, не лошадям чета.

И действительно. Ефим оказался правым.

Через какую-нибудь неделю выяснилось, что Цыбала мог вертеть приводы соломорезок и крупорушек. И как он вертел? Там, где за три—четыре часа парилась добрая пара лошадей, верблюд целый день спокойно кружил вокруг привода, неслышно ступая своими мягкими подошвами, раскачивая головой и презрительно развесив волосатые губы.

Тогда то сварливой Куделихе пришлось сознаться в своей неправоте. Изо-дня в день стали Цыбалу нанимать мужики на поденщину. И Ефим Куделя уже водил своего верблюда по окрестным селам, работая на нем с утра до ночи и зашибая немалую деньгу. Цыбала стал настоящим кормильцем этой бедной семьи.

Старая слабая Лысуха, незнавшая отдыха летом, во время полевых работ, теперь бездельничала в своей загородке и заметно толстела. Хозяину теперь было не до нее.

Он каждый день с рассветом, запрягал нового кормильца, уезжал на соседние хутора, возвращался оттуда поздно вечером, навеселе, и радостно выгружал из саней мешки с заработанной мукой и зерном.

Верблюд уже был переселен в дырявую Куделину ригу.

Ночами, укутанный лохмотьями сострадательной Надьки, Цыбала лежал на саломе и дрожал.

Вокруг ледяных стен кружила пурга, от мороза лопались деревья, и несчастный верблюд, закрывая своими резиновыми веками слезящиеся круглые глаза, вытягивал шею и тяжко вздыхал. Может быть — грезил о раскаленном песке степной Бухары, о родном ласковом зное.

Все-таки он пережил зиму.

А пришедшая весна принесла и верблюду, и Куделиной семье печальные неожиданности.

Глава III-я.

Беда.

Прошли по Ольховке тревожные слухи о том, что к волости подходят посланные украинским гетманом — генералом, немецкие отряды. Из двора в двор передавались вести, будто шарят немцы по хатам, угоняют скотину, хлеб забирают, судят, расстреливают — ни за что, ни про что.

И все село приступило к Ефиму Куделе:

— Ты, брат, не того. Нечего на нашу Ольховку тень наводить своим верблюдом. Уж больно твой Цыбала всякому глазу приметный, никуда его не спрячешь. Спросят сейчас — что, откуда, да как, да почему верблюд, ну и прихлопают тебя — как пить дать. Да и нас за компанию не помилуют. Нет, ты уж, брат, того... Куда хочешь его долой спроваживай, а только лишнюю беду из села отводи!

Увидел тогда бедняк Куделя, что настал конец его новому счастью.

Уже доносилась в Ольховку пулеметная трескотня немецких отрядов, — и нужно было расставаться бедняку со своим верным дорогим кормильцем.

***

Ранним утром Ефим отвязал Цыбалу и вывел его во двор. Жена и дочь выбежали навстречу.

Ефим почесал верблюду поджилки и тот, потянувшись всем телом, покорно опустился на земь.

Тогда босоногая Надька бросилась к своему другу. Она прижималась к его груди, тискала ручонками лохматую шею, ползала вокруг него по земле и заливалась слезами.

— Мо-о-оой же ты Цабалочка...., — выводила она громко и жалобно. — Куды-ж ты пойдешь, мой малюсенький... За што-ж тебя сиро-отиночку выгоня-яют...

Верблюд недоумевающе вертел головой, и щекотал мягкими волосатыми губами Надькину шею.

Даже Параскева, утираясь рукавом, вынесла горбуну его любимое лакомство — горсточку соли. Баба аккуратно скормила верблюду со своих ладоней все до последней крупинки, потом отступила на шаг и поклонилась ему.

— Прости ты меня, дуру несчастную, — тихо сказала она. — Прости ты меня верблюдочек, кормилец ты наш, за всякую мою глупую злобу.... Останемся мы без тебя опять бедовать...

Наконец, Надьку оторвали от Цыбалы. Ефим заставил его подняться, и взялся за повод.

Верблюд медленно шагнул к воротам и оглянулся.

Восток разгорался. По розовому небу бежали золотые тучи, зажигали росистые верхушки пахучих весенних верб; скользили по стенам дырявой конюшни; купались в сверкающих лужах. Под крышей хаты чирикали воробьи.

Верблюд все еще смотрел. Потом махнул головой и решительно двинулся вслед за хозяином.

Тогда из конюшни донеслось тревожное дребезжащее ржание пегой Лысухи.

***

Ефим отвел Цыбалу за двадцать верст от Ольховки — в лес.

Здесь он снял с него недоуздок, шлепнул ладонью по жилистому бедру и пустил на все четыре стороны. Потом, надвинул шапку на самые глаза и, не оглядываясь, побрел домой.

КАК ЭТО БЫЛО

(Окончание)

тись, которого никто почти не слышал, в толпу было произведено несколько залпов. Гапона прикрыли своими телами шедшие около него рабочие, перебросили его через какой-то забор; оттуда он пробрался к друзьям, которые его переодели и остригли.

Такая же бойня произошла у Невской заставы, за Московской заставой, на Выборгской стороне, у Троицкого моста. Повсюду шла стрельба, везде казаки гонялись за убегавшими и рубили их. На Васильевском острове изрубили студента, вышедшего вперед и приглашавшего войска не стрелять в народ... Там было к вечеру повалено несколько телеграфных столбов, улицы поперек опутаны проволокой. Пытались строить баррикады.

Солдаты озверели. Стреляли и кололи всякого, кто попадался на дороге. В Обуховскую больницу был доставлен труп пятилетнего ребенка с семью штыковыми ранами... Особенно отличился Семеновский полк. Руководство расправой осуществляли полковник Мин и Риман (произведенные потом в генералы).

Избиваемый народ дошел до крайней степени отчаяния. Войскам и казакам кричали: «Опричники!», «Палачи!», «Убийцы!». В ответ следовали залпы. По сведениям, собранным организованной потом специальной комиссией (в нее вошли передовые из петербургской адвокатуры), в больницы Петербуга было привезено за 9 января 1.216 убитых и свыше 5000 раненых. А сколько трупов избегло больниц, попало в полицейские участки, а оттуда было вывезено ночью и зарыто в первой яме,—никто не знает.

Что читать

К ЛЕНИНСКИМ ДНЯМ

По материалам Отдела Детского Чтения Института Методов внешкольной работы.

В предыдущем номере были нами указаны материалы для подготовки к ленинским дням. Сегодня укажем материалы для самостоятельного чтения и для бесед о В. И. Ленине.

О детстве и юношеских годах Владимира Ильича написана книга человеком, который провел с ним вместе эти годы, его родной сестрой, Анной Ильиничной Ульяновой.

Ульянова, А.—«Детские и школьные годы Ильича». М. изд-во «Нов. Москва» 1925 г., стр. 27, ц. 25 к. Под общ. редакц. МК РЛКСМ.

Книга переносит нас в семейную обстановку Ильича, рисует нам близких ему людей и те первые впечатления, которые помогали формировать его личность, выковывая будущего вождя пролетариата. Эта же самая книжка, только беднее изданная, лишенная прекрасных фотографий, так украшающих первую книгу, это—

Ульянова, А.—В. И. Ульянов (Ленин), детские и школьные годы. Изд. «Новая Москва» 1925 г., стр. 30, ц. 10 к.

Другой, близкий Вл. Ильичу человек, Н. К. Крупская, описала более поздний период его жизни: работу среди питерских рабочих, жизнь в ссылке в Минусинском краю и заграницей в эмиграции. Если для самостоятельного чтения книга может быть трудна, то она много нового фактического материала может дать для беседы и докладов. Называется книга:

Воспоминания. Н. К. Крупская. Изд. газеты «Правда» 1925 г., стр. 62, ц. 25 к.

Не менее ценны воспоминания людей, связанных с Владимиром Ильичем, если не родством, то работой. К таким книгам относится сборник воспоминаний его современников. **Жизнь Ленина** 1870—1924 г. изд. М. Раб. Газ. 1925 г. Стр. 159. Расположение материала хронологическое. Вот главы: 1. Детство и юность; 2 Гимназические годы; 3. 1-я ссылка; 4. Владимир Ильич создает рабочие кружки; 5. Тюрьма и ссылка в Сибирь; 6. Эммиграция; 7. 2-й с'езд РСДРП; 8. В центре революционных бурь; 9. Вопросы Лондонского с'езда; 10. В годы под'ема рабочего движения; 11. Империалистическая война; 12. Февральская революци 13. Июльские дни; 14. Октябрьска революция.

К каждому моменту есть воспоминания тех, кто вместе с Владимир Ильичем работал в эти годы: Бон Бруевича, Формаковского и др. С ставлен сборник хорошо.

Не вся жизнь Ильича, а отдель ный, но зато важнейший ее момент, Октябрьская революция, прекрасно даны Джоном Ридом. **Рид. Джон**— «10 дней, которые потрясли мир», с предисл. В. И. Ленина, изд. Красн. Новь». М. 1924 г., стр. 323, ц. 1 р. 25 к.

Есть дешевое издание (20 коп.) этой же книжки, но в сокращенном виде. **Рид. Джон.** — «Штурм отжившего мира». Изд. «Прибой», сектор «Юный Пролетарий», Л—д. 1925 г Стр. 63, цена 20 коп.

Рид умеет, как живого, нарисовать Ильича: вот он стоит на трибуне «Чтобы подчеркнуть фразу он слег ка склоняется вперед, никогда не пускает в ход жестикуляции. А по ред ним обращенные к нему тыся чи простых лиц глядели вверх с любовью и преклонением». За недостатком места назовем, не характеризуя подробно следующие книги:

Горький, М.—«Вл. Ильич Ленин» Ленгиз. 1925 г., стр. 16, ц. 5 к. Тепло написана биография Ильича.

Лилина, З.—Наш учитель Ленин». Ленгиз. 1925 г. Изд. 2-е. 17 стр., цена 40 к.

Ярославский,—«Жизнь и работа Ленина». Ленгиз. 1924 г., стр. 359, ц. 1 р. 20 к.

Это наиболее полная, ясно и просто написанная книга об Ильиче. Интересны главы, где рисуется отношение Ленина к молодежи. Особое значение для пионеров имеет книга «У костра». Беседа 1-я. **Васильев, В.** —Законы пионеров—заветы Ильича. М. «Молодая Гвардия». Изд. 2-е, 1925 г., стр. 56.

Вводная глава—о значении Ленина для пролетариата, далее канва его жизни рассматривается как основа для законов пионера. Например, положение: пионер вынослив здоров и никогда не падает духом— основывается на фактах из жизни Ленина.

А. Афанасьев.

Без громких фраз

(87-й отряд Сокольнического района, Москва).

Когда мы были в лагере, то ходили к пионерам дер. Горки, Клинского уезда. С собравшейся к нам детворой, мы пели, играли и проводили беседы; а перед от'ездом в Москву устроили платный вечер, на котором поставили пьесу из деревенской жизни и живую газету.

С этого вечера было собрано около 9 рублей, которые мы отдали деревенскому отряду.

Приехав в Москву, Совет отряда поручил работу по связи с деревней звену «КИМ». Обсудив этот вопрос на звене, м решили помочь ему, преж всего, материально. Для эт го мы договорились с Ерше ским Райкустпромсоюзом, вз ли оттуда игрушек в креди Взяли в группкоме 10 рублей долг, на которые купили ра личные вещи.

Сделав все это, мы начал на клубных вечерах устраи вать лотерею. На собранны деньги мы купили краски, ки сточки и другие писчебумажные принадлежности, выписали им журнал «Пионер» и «Пионерскую Правду», а, кроме того, отправили им часть нашей библиотечки.

Все это мы отослали с нашими представителями в деревню.

Там они, кроме того, провели с ребятами беседу. В ответ на нашу поездку, мы пригласили их к себе и ознакомили с положением нашего отряда, и провели их на общемосковскую конференцию пионеров.

Уезжая, ребята остались очень довольны и передал все это у себя в деревне. Кр ме этого, мы регулярно с н ми переписываемся.

ИЗВЕЩЕНИЕ

В воскресенье, 30 января в 12 дня в Центральном доме комсом Красной Пресни, Васильевская Московск. Бюро созывает совещан пионеров и школьников, слушат лей газеты «Радио-Пионер» для суждения ее.

Из-во «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИ
Отв. редактор М. РЕЙХРУД.

Мосгублит № 10.566. 39-я типография Интернациональная «Мосполиграфа», Путинковский, 3. Тираж 42.500.